

© 2022. О. А. Крашенинникова
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

Путешествия по Западной Европе и провинциальной России в мемуарах А. Т. Болотова

Аннотация: В статье на материале автобиографических записок А. Т. Болотова прослеживаются основные этапы духовного становления русского дворянина-помещика середины XVIII в. через его путешествия по Западной Европе и провинциальной России. Западная цивилизация и культура, с которыми герой познакомился во время службы в Кенигсберге, дали мощный импульс для духовного формирования молодого мемуариста. Возвращение на малую родину и последующие путешествия по России помогли ему обрести чувство корневой связи с родной почвой через создание семьи, общение с многочисленной родней, через привязанность к родовому имению как месту приложения творческих сил души. В ходе сопоставления двух этапов жизни Болотова автором статьи делается вывод о важнейшем значении малой родины в процессе формирования личности героя XVIII в. в эпоху русского Просвещения. Автор статьи доказывает, что Болотов представлял собой тип героя XVIII в., гармонически сочетавшего западный идеализм (пиетизм) и русское почвенничество. Особое внимание в статье уделяется описаниям путешествий героя по провинциальной России, которые оцениваются как самобытное и новаторское явление в русской литературе путешествий конца XVIII – начала XIX вв.

Ключевые слова: А. Т. Болотов, путешествия, Западная Европа, провинциальная Россия, усадебно-дворянский быт, практическая философия, почвенничество.

Информация об авторе: Ольга Александровна Крашенинникова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1518-7923>

E-mail: krashenninnikova.61@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 18.08.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 07.10.2022

Дата публикации статьи: 25.12.2022

Для цитирования: Крашенинникова О. А. Путешествия по Западной Европе и провинциальной России в мемуарах А. Т. Болотова // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 4. С. 6–37. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-6-37>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 6–37. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 6–37. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2022. **Olga A. Krashennnikova**
A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Travellings Around Western Europe and Russia in A. T. Bolotov's Memoirs

Abstract: Based on the autobiographical notes of A. T. Bolotov, the article traces the main stages of the spiritual development of a Russian nobleman-landowner of the mid-18th century through his travels in Western Europe and provincial Russia. Western civilization and culture, which the hero met while serving in Koenigsberg, gave a powerful impetus to the spiritual formation of the young memoirist. Returning to his small homeland and subsequent travels around Russia helped him gain a sense of root connection with his native soil through the creation of a family, communication with numerous relatives, through attachment to the family estate as a place of application of the creative forces of the soul. In the course of comparing the two stages of Bolotov's life, the author of the article concludes that the small homeland is of great importance in the process of forming the personality of the hero of the 18th century during the era of the Russian Enlightenment. The author of the article proves that Bolotov was a type of character of the 18th century, harmoniously combining Western idealism (pietism) and Russian pochvenism. Particular attention is paid to the descriptions of the hero's travels in provincial Russia, which are assessed as an original and innovative phenomenon in Russian travel literature of the late 18th – early 19th centuries.

Keywords: A. T. Bolotov, travel, Western Europe, provincial Russia, manor-noble life, practical philosophy, pochvennichestvo.

Information about the author: Olga A. Krashennnikova, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1518-7923>

E-mail: krashennnikova.61@mail.ru

Received: August 18, 2022

Approved after reviewing: October 07, 2022

Published: December 25, 2022

For citation: Krashennnikova, O. A. "Travellings Around Western Europe and Russia in A. T. Bolotov's Memoirs." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 4, 2022, pp. 6–37. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-6-37>

Автобиографические записки¹ «Жизнь и приключения А. Т. Болотова, описанные им самим» (1787–1816) покоряют читателя магией эпически неспешного повествования в делящейся десятилетиями документальной хронике — практически бессюжетном рассказе, педантично фиксирующем как исторически важные события, так и сугубо частные, совершенно незначительные. Описание прозаических подробностей повседневной жизни провинциального дворянства XVIII в. всегда оставалось за пределами «высокого» литературного повествования. Однако мелочи, на первый взгляд незначительные, но колоритные детали, которые не встретишь ни у одного мемуариста, кроме Болотова, составляют особую прелесть записок и имеют для нас не меньшую познавательную ценность, чем эпизоды, повествующие о событиях общезначимых, принадлежащих к истории всего народа. Эти драгоценные подробности составляют, как мозаика, многолетнюю хронику истории «любезного» Дворянинова — родового имения Андрея Тимофеевича Болотова (1738–1833), а затем и хронику Киясовской и Богородицкой волостей, управляющим которых он был. Благодаря многочисленным деталям мы отчетливо представляем, чем жил и дышал провинциальный дворянин средней руки екатерининской эпохи. Мемуары Болотова по праву могут считаться энциклопедией русского усадебно-дворянского быта второй половины XVIII в. По ним можно изучать повседневную жизнь мелкопоместного дворянства: устройство и архитектуру господских домов, садово-парковое усадебное искусство, вопросы землевладения и межевания, основы взаимоотношений помещика с семьей, а также со слугами и крестьянами, ритуалы сватовства и свадьбы, вопросы образования и определения на службу детей, праздники, забавы и увеселения дворян и многое другое. Однако значение записок Болотова состоит не только в их документа-

¹ В статье термины «записки» и «мемуары» являются синонимичными.

лизме и познавательной ценности. Как всякое литературное явление, эта автобиографическая хроника не сводится лишь к беспристрастной фиксации событий и фактов, но является книгой, утверждающей нравственные и культурные ценности. В записках Болотова видны отголоски литературных традиций как современной ему словесности, так и предвестия высокой классики XIX в., элементы жанров и сюжетов, которые войдут в литературный обиход на рубеже и в первой половине следующего столетия: жанра сентиментального путешествия, физиологического очерка, романа-эпопеи, (подобного гоголевским «Мертвым душам», с портретной галереей колоритных провинциальных типов помещиков), наконец, семейной хроники и романа воспитания. Сама русская действительность рождала эти литературные сюжеты, типы и жанры, и на примере мемуаров Болотова мы видим, как тонка была грань между документальным и художественным началом в литературе.

1

Мемуары Болотова приобрели окончательную форму в результате литературной обработки автором «Чернового журнала всedневных событий», который он вел всю сознательную жизнь. Особая ценность этой автобиографии в том, что она опиралась на конкретные факты и точно датированные события жизни мемуариста, скрупулезно зафиксированные им сразу же, по горячим следам, в своем дневнике. Полный текст Записок составлял, по свидетельству внука Андрея Тимофеевича, более 50-ти томов [Болотов М.: 748], в каждом из которых было примерно по 400 страниц. 39 томов были проданы внуком Андрея Тимофеевича издателям Киселеву и Самарину. В 1871–1873 гг. в Приложении к журналу «Русская старина» М. И. Семевским были изданы 29 томов воспоминаний. Изданная часть Записок охватывала период с рождения Болотова в 1738 г. до 1795 г., когда он еще состоял управляющим Богородицкой волости. Над описанием этих частей своих мемуаров автор работал 29 лет: с 1787 г. по 1816 г. Однако из воспоминаний внука писателя М. П. Болотова известно, что автор довел записи до 1810 или 1811 г., где описал подробно свою поездку в Орел и рождение там внука Михаила Павловича [Болотов М.: 748]. «Продолжение “Записок” А. Т. Болотова», в котором описывались события 1799–1802 и 1805 гг., было опубликовано в «Русской старине» за 1889 г.

[Продолжение]. В ОР ИРЛИ (Ф. 537, № 1) хранится «Продолжение описания жизни Андрея Болотова» за 1807, 1808, 1821–1826 и 1827 гг. [Щеблыгина: 18].

Автор составил свои Записки в форме писем, в каждом из которых он обращался к условному «любезному приятелю» (по свидетельству самого мемуариста, некоторые части первоначального дневника также были написаны в форме писем к теще, а позднее к подростовому сыну Павлу). Текст Записок, опубликованных М. Семевским, был разбит ровно на 300 писем приблизительно равного объема. Необыкновенно популярная в западноевропейской литературе эпистолярная форма для русской прозы конца 1780-х гг. была новаторской и необычной. Лишь с выходом в свет первых глав «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина (в 1791–1792 гг. в «Московском журнале») эпистолярная форма становится эталоном литературной моды и в России. Таким образом, Болотов, одновременно с Карамзиным начавший работать над своими Записками в конце 1780-х – начале 1790-х гг., стал, как и его знаменитый современник, одним из основателей этого жанра в России.

2

Жизненный путь Болотова, отражающий его духовные искания, можно разделить на три основных этапа. Время, проведенное им на военной службе в Пруссии (в ходе Прусской кампании русской армии 1757–1762 гг.), стало периодом формирования его личности, поисками мудрости в процессе чтения книг, которые привели его к обретению практической жизненной философии. Второй этап относится к тому времени, когда герой делает попытку обрести свое место в мире, служа флигель-адъютантом у генерала Корфа в Петербурге, — это период «ложной самореализации» автора записок. Наконец, завершающим этапом духовных исканий стало обретение героем своего подлинного «я» на малой родине, в тульском родовом имении Дворяниново. Географически путь духовной эволюции Болотова пролегал сначала из России на Запад (Кенигсберг), с Запада — в российскую столицу (Петербург) и, наконец, завершался в российской глубинке, в имении Дворяниново. Возвращение на родину не было тупиком, это было открытие совершенно нового и неизведанного мира — мира российской провинции, во всем его неожиданном богатстве и разнообразии.

Повествование об истории военной службы Болотова (1755–1761), в том числе в период Прусской кампании, кульминацией которой стало пребывание в Кенигсберге (1758–1761), типологически близко к жанру традиционного западноевропейского «романа воспитания» и содержит историю духовного становления героя. Перед нами типичная для западной литературы сюжетная ситуация, когда неопытный юноша, к тому же еще и сирота, оказывается один в безнравственном и порочном окружении (в данном случае в среде невежественной офицерской братии, интересы которой сводились к карточной игре, попойкам и любовным похождениям), но находит в себе силы противостоять злу, сохраняет нравственную чистоту и избегает пагубного влияния внешнего мира. Лишенный влиятельных и богатых покровителей, юноша на каждом шагу ощущает воздействие на свою судьбу благого Божественного Промысла. Так, герой мемуаров чудом избегает множества опасностей, которые подстерегали его на каждом шагу военной службы. Судьба счастливо хранила его от кровопролитных сражений, которых было немало в ту неудачную для русской армии прусскую компанию. Помимо воли мемуариста обстоятельства все время складывались так, что юный офицер все более отдалялся не только от театра военных действий, но и от компании своих сослуживцев, которые не оставляли попыток вовлечь Болотова в порочные забавы. Попав вместе со своим полком в Кенигсберг, Болотов совершенно неожиданно для себя из военного человека превращается в чиновника и назначается переводчиком при канцелярии губернатора генерала Н. А. Корфа, получая тем самым надежную «бронь» от участия в военных действиях. Этот момент определил всю дальнейшую судьбу героя: «Промыслу Господню угодно было, власно как нарочно, привесть меня в сей прусский город, дабы я, живучи тут, имел случай узнать сам себя и, короче, все на свете и мог чрез то приуготовиться к той мирной, спокойной и благополучной жизни, какою Небу угодно было меня благословить в последующее потом время» [Болотов А. 1: 522]. Четыре года, проведенные в Кенигсберге, познакомили героя с основными достижениями западной цивилизации и культуры. Старинная архитектура города, его храмы и многоэтажные дома, регулярные парки и сады с фонтанами, а также светские балы, маскарады, театры, библиотеки, газеты и журналы, университетская наука — все лучшие, привлекательные стороны европейской цивилизации открылись любознательному провинциальному

юноше, получившему в России лишь скудные, отрывочные знания от случайных учителей. Неудивительно, что герой с головой погружается в совершенно новые для него жизненные впечатления, живет жизнью типичного немецкого бюргера, приобретая новый, бесценный опыт и самостоятельно довершая свое образование. Интересная деталь: общаясь преимущественно с немцами и в совершенстве овладев немецким языком, Болотов порой сознательно мистифицирует своих знакомых, выдавая себя за природного немца. Герой настолько увлечен западной культурой, что и ощущает себя скорее немцем, чем русским. Четыре года, проведенные в Кенигсберге, стали определяющими в духовном и интеллектуальном развитии героя, своеобразными университетами автора, периодом его близкого знакомства с западной литературой, наукой, философией, богословием. Сначала он с упоением предается чтению лучших немецких романов, которые обогатили его духовный мир, развили нравственное чувство: «Ум мой преисполнился множеством новых и таких знаний, каких он до того не имел, а сердце нежными и благородными чувствованиями, способными не преклонять, а отвращать меня от пороков и худых дел, которым легко бы я мог сделаться подверженным <...>. От многого чтения преисполнилось оно столь нежными и особыми чувствованиями, что я приметно ощущал в себе великую перемену и совсем себя власно как переродившимся. Я начинал смотреть на все происшествия в свете не какими иными, а благонравнейшими глазами, а все сие и вперяло в меня некое отвращение от грубого и гнусного обхождения и сообщества с порочными людьми» [Болотов А. 1: 637–638]. От переродившей его духовно художественной литературы мемуарист переходит к изучению исторической, философской, а затем и богословской литературы, читает Зюльцера, Мосгейма, Иерузалема, Готшеда и других немецких протестантских философов-пиетистов. Увлечшись сначала философской системой Х. Вольфа, он позднее убеждается в том, что эта система неизбежно приводит к деизму и атеизму, и признает превосходство новейшей философии Х. А. Крузия (1715–1775) над Вольфом. Философия Крузия, признающая Бога первоисточником субстанциальной силы, образующей активное и деятельное начало всего сущего, творцом мира и человека, — эта система и стала основой жизненной философии мемуариста, источником его нравственных принципов и стиму-

лом работы над собой¹. В конце пребывания в Кенигсберге, прощаясь с дорогим его сердцу городом, мемуарист мысленно возносит хвалу ему и благодарит за то, что он был ему полезен в жизни и «подарил его сокровищами бесценными»: «В стенах твоих сделался я человеком и спознал самого себя, спознал мир и все главнейшее в нем; а что всего важнее, спознал Творца моего, Его святой закон и стезю, ведущую к счастью и блаженству истинному» [Болотов А. 1: 872]. По сути дела западной цивилизации и в особенности немецкой протестантской философии и морали герой Записок был обязан своим духовным становлением и нравственным самоопределением.

Следующим событием, ставшим важнейшей вехой в жизни мемуариста, стал изданный Петром III манифест «О даровании вольности <...> дворянству» 1 марта 1762 г., позволивший Болотову, двадцатичетырехлетнему дворянину в чине капитана и владельцу около ста душ крестьян, покинуть ненавистную для него службу адъютанта при генерале Н. А. Корфе в Петербурге, а вместе с ней и всю вообще суетную светскую жизнь при дворе: «Я, полюбив науки и прилепившись к учености, возненавидел уже давно шумную и беспокойную военную жизнь и ничего уже так в сердце своем не желал, как удалиться в деревню, посвятить себя мирной и спокойной деревенской жизни и проводить достальные дни свои посреде книг своих в сообществе с музами» [Болотов А. 1: 864–865]. Все, что случилось с героем до памятного указа Петра III: военная служба в полку, пребывание в Кенигсберге, служба при дворе, — было всего лишь предысторией, подготовкой мемуариста к обретению своего «я» и настоящего места в мире. Поиск жизни в гармонии с самим собой, соответствующей его внутреннему устройению, приводит Болотова к единственно правильному решению — выходу в отставку и спешному, похожему на бегство, отъезду в родовое имение. Для иного литературного героя отъезд в деревню был бы равен уходу в небытие, концу его литературной истории, для Болотова он стал долгожданной возможностью практического осуществления его жизненной философии, началом обретения подлинной жизни и своего истинного «я». Для автора усадебная, помещичья среда была свободным жизненным пространством, где могли раскрыться все многочис-

¹ Подробнее о философской антропологии А. Т. Болотова см.: [Боровая; Пенькова].

ленные дарования его души, осуществиться его творческие замыслы и планы. Это не руссоистский идеал пасторальной жизни вдали от благ цивилизации и культуры, разрывающей все социальные связи и отношения. Болотов глубоко укоренен в родной почве и среде и склонен не только к сентиментальному созерцанию красот природы, но и ее деятельному преобразованию. Занятие науками и творческое преображение усадебного пространства, а затем и целой территории подвластной ему волости становится главным делом героя. В этом отношении жизненному устройению Болотова можно найти немало аналогов среди его знаменитых современников — в качестве примера укажем на ранний выход в отставку Н. И. Новикова и Н. М. Карамзина, для которых частная жизнь стала, по выражению Ю. М. Лотмана, формой и способом общественного служения [Лотман, Успенский: 570]. К Болотову можно с полным правом отнести наблюдение Ю. М. Лотмана о Новикове, который, по мнению исследователя, полагал, что «прогресс совершается не в области правительственных распоряжений и законов, а в сфере частного существования, постепенного одухотворения непосредственной жизни» [Лотман, Успенский: 570]. Сутью болотовского «частного» служения было внесение красоты, порядка, творческой фантазии и изобретательности в окружающую его провинциальную жизнь как в своем имении Дворяниново, так и в подвластных ему волостях, что во многом было подсказано впечатлениями, вынесенными от пребывания на Западе, прежде всего в Кенигсберге. Болотов становится одним из первых в России помещиков, которые начинали заводить у себя усадьбы нового типа, являвшиеся «не только хозяйственными единицами, но эстетически организованным пространством» [Щеблыкина: 241].

«Одухотворенность частного бытия» в мемуарах Болотова имела и еще одно своеобразное проявление: автор записок привнес в русскую литературу ощущение ценности и неповторимости каждого прожитого дня, каждого его мгновения. Мемуарист заставлял время как бы замедлять свое течение, выхватывая из непрерывного жизненного потока неповторимые моменты: минуты неожиданной радости или горя, опасности для жизни, получения внезапных известий, когда решалась вся его дальнейшая судьба, или запечатлевая в мгновенных зарисовках прекрасные пейзажи и явления природы, очевидцем которых он становился в своих продолжительных путешествиях по России. Счет жизни в мемуарах и впрямь шел не только на недели, месяцы и года —

счет шел на дни. Примечательно, что автор записок не только точно фиксирует даты важнейших событий своей жизни, но и ведет подсчет общего количества прожитых дней. Так, например, он отмечает как памятный для себя день 27 февраля 1792 г., ибо «с оным совершилось 19500 дней моей жизни. Следовательно, с оным прожил я на свете половину 20-й тысячи дней...» [Болотов А. 3: 923]¹. В стремлении дать перед самим собой отчет о каждом прожитом дне, фиксируя все значимые и малозначительные события в дневнике, Болотов постепенно обретал привычку (и передавал это умение читателям) относиться к событиям своей жизни как фактам литературным. При этом вся его жизнь возвышалась до уровня искусства, становилась творчеством. Отметим, что для мирозерцания XVIII в. было нетипично представление о человеке как творце своего счастья. Так и для Болотова жизнь представлялась результатом совместного творчества невидимой руки Божественного Промысла, руководившей им и неусыпно пекущейся о его истинном благе, и самого мемуариста, следовавшего неуклонно принципам своей жизненной философии, обретенной им в молодые годы, в сочетании с практичной житейской мудростью².

3

Одной из важнейших сторон жизни провинциального дворянства, подробно и разнообразно описанной в Записках Болотова, является культура путешествий XVIII в., которая составляла существенную часть повседневной жизни русского помещика.

Одним из важнейших следствий высочайшего манифеста «О даровании вольности <...> дворянству» стало, как неоднократно указывалось в исследовательской литературе, формирование усадебно-помещичьей культуры в России XVIII в.

Обретенная возможность раннего выхода в отставку и оседлой жизни в своем родовом имении побуждала дворян больше времени уделять вопросам архитектуры, земледелия и агрономии, садоводству и парковому искусству, заниматься украшением и благоустройством своих усадеб. Привязанность к месту обитания, родовому имению

¹ Интересно, что Болотов умер 7 октября 1833 г., в день своего рождения, когда ему исполнилось 96 лет.

² Подробнее см.: [Пантелеев].

оживляла горизонтальные — родственные и дружеские — связи между людьми. Одновременно с оседлостью и домоседством формировалась и культура путешествий, поездок в гости. Это были две неотъемлемые стороны усадебной культуры: свободные от службы дворяне все свободное время посвящали поездкам в имения родственников и знакомых, сами с радостью принимали гостей. Так, Болотов, подводя итоги прошедшего года, констатировал, что половину его провел в гостях и путешествиях, а вторую половину устраивал приемы у себя дома.

Приезд гостей был обычно радостным и долгожданным событием в жизни помещика: гости не воспринимались как обуза, но вносили радостное оживление в однообразное течение поместной жизни. Гости старались не только хорошо угостить, но и обязательно оставить у себя ночевать, еще лучше — на несколько дней. Родные могли гостить от нескольких недель до нескольких месяцев. Делом чести было потом отдать долг взаимным посещением. Родственные визиты у Болотова были особенно часты в первые годы семейной жизни, относящиеся к «дворяниновскому» периоду. Следовало отдать долг почтения не только своей родне (сестрам, племянницам, дядьям), но и родственникам жены Мавры Степановны (урожд. Бакеевой). В 1765 г. Болотов, вместе с женой, тещей и теткой жены Матреной Васильевной Арцыбашевой предпринимает длительное — почти на всю зиму — путешествие в низовой городок Казанской губернии Цивильск, чтобы посетить деда своей жены Аврама Семеновича Арцыбашева, которого никогда ранее не видел. Как отмечал мемуарист, «к восприятию путешествия сего на Низ в сию зиму побуждала нас наиболее престарелость сего толь близкаго родственника, а того паче собственное его и усердное желание нас видеть и меня узнать лично прежде своей кончины, ожидаемой им ежегодно» [Болотов А. 2: 95]. Ради того, чтобы отдать дань уважения родственнику жены, мемуарист решает отправиться в столь длительное (и небезопасное во всех отношениях) путешествие в отдаленную и незнакомую ему провинцию Российской империи. Одновременно Болотов старается наладить дружеские отношения с соседями и родственниками. Так, в 1765 г. Болотов отмечал в Записках, что количество родных и «знакомцев» его, живших за Окою, в Тарусе, в Серпухове, под Каширою «умножилось в сей год довольно новыми, и я едва успевал делать им соответственные визиты» [Болотов А. 2: 158]. А в 1768 г. Болотов записал: «Давно уже не был я у многих моих знаком-

цев и родных как с своей стороны, так и с женой и весьма многим должен я был взаимным приездом за их к себе посещение. И так, собравшись в сие время, поехали мы с тем, чтоб всех их объездить одним разом, и мы действительно были в целых 12-ти домах в Алексинском, Каширском и Тульском уездах и объездили множество верст, сделали превеликий круг и препроводили в том более двух недель времени» [Болотов А. 2: 168–169].

И в последующие годы, когда Болотову приходилось совершать и более длительные путешествия по России, он всегда по пути останавливался у близких или дальних родственников, многочисленных знакомцев, сослуживцев и друзей. Однажды он взялся перечислить всех своих ближних и дальних родственников, многих из которых регулярно посещал: это дядя Матвей Петрович Болотов и его два сына — Михаил и Гавриил Матвеевичи, жившие с мемуаристом в одной деревне, племянник во Пскове (сын рано умершей сестры Болотова Прасковьи Тимофеевны, выданной замуж за псковского помещика Василия Савиновича Неклюдова), три другие племянницы в Кашине от другой сестры Марфы, бывшей замужем за тульским помещиком Андреем Федоровичем Травиным, также рано умершей, тетка Матрена Ивановна Аникеева под Каширою, другая на Протве, дед жены с детьми в Цивильске, дядя жены — в Козлове [Болотов А. 2: 586–587] и т. д. Друзей и знакомых в различных (преимущественно южных) губерниях с годами у Болотова накапливалось все больше. В поздний период жизни мемуариста к числу постоянных мест для посещения прибавились имения, где жили выданные им замуж дочери: Елизавета (в селе Ламки Богородицкого уезда), Анастасия (в селе Головино Крапивинского уезда за Тулой), Ольга (в селе Змиевке Богородицкого уезда) и семья сына Павла (в селе Гнилом-Болоте Орловской губернии). Дочь Екатерина, вышедшая замуж за А. И. Пестова, постоянно жила в 18-ти верстах от Дворянинова, в селе Сенькине [Болотов А. 2: 740]. С годами почти вся российская провинция для Болотова, куда бы он ни приехал, оказывалась населенной родственниками или друзьями (в том числе, вновь обретенными), и воспринималась как обжитое и родное пространство¹. В гости ездили на именины, крестины детей, на сговоры и

¹ В последнем издании Мемуаров Болотова один только именной указатель упоминаемых в них лиц занимает 40 страниц.

свадьбы, на дни ежегодных ярмарок, годовых (престольных) праздников, чтобы весело провести вместе святки и Новый год, масленицу и другие праздничные периоды церковного года. После выхода в 1765 г. екатерининского «Манифеста о межевании» родственники наперебой звали Болотова приехать в их имения, чтобы помочь им с межеванием земель; звали Болотова и в тех случаях, когда требовалась помощь со справедливым разделом имущества при получении наследства. Эти и им подобные дружеские, семейные и родственные связи пронизывали и оживляли русскую провинциальную жизнь, объединяя мелкопоместное дворянство. Значительная историческая и художественная ценность мемуаров Болотова состоит в том, что они дают представление не столько о парадной, «фасадной» стороне жизни Российской империи XVIII в., сколько о «закулисной», домашней жизни многих тысяч провинциальных русских дворян «средней руки», их повседневных заботах, родственных и добрососедских связях. В русской литературе XIX в. было принято писать о гостеприимстве, «семейственности» и хлебосольстве Москвы (в противоположность холодному и светскому Петербургу), однако мемуары Болотова свидетельствуют о том, что Москва была олицетворением *русской провинциальной жизни вообще*, отражением лучших ее сторон.

Без сомнения, вся «высокая» русская культура, литература, наука с начала XVIII в. были сосредоточены в главных культурных центрах России — двух ее столицах. Москва, а с XVIII в. и Петербург определяли магистральные пути развития русской культуры. Образованный человек в России не мыслил свою жизнь без Москвы и Петербурга, сюда из провинции приезжали таланты и дарования, чтобы обрести питательную почву для своего развития, найти успех и признание, сделать служебную карьеру. Болотов всей своей жизнью, убеждениями, идеалами утверждал противоположное движение: из столицы в провинцию. Он был убежденным провинциалом, человеком почвы, ценителем красоты и очарования сельской жизни, знатоком и создателем усадебной культуры. Жизнь в глуши Тульской губернии не угнетала его, а раскрывала заложенное в нем творческое начало: побуждала к серьезным занятиям «сельской экономией», разведению садов и парков, трудам по изучению сельского хозяйства и агрономической науки. Даже самые скучные осенние и зимние месяцы деревенской жизни Болотову были драгоценны как время, которое можно

было безраздельно посвятить полезному чтению, любимым литературным трудам и упражнению.

В Москве Болотов бывал обычно проездом или по делам, но и там он старался останавливаться у своих родственников или соседей по имению: в Москве жили родные дядья Болотова — Матвей Петрович Болотов и Тарас Иванович Арсеньев, друг и сосед по дворяниновскому имению г. Полонский. Отношение к Москве у Болотова было сугубо утилитарным: в ней он останавливался проездом, чтобы закупить провизию для предстоящего длительного путешествия по России, приобретал новые книги по агрономии и экономике, периодику, карты и т. д. В последующие годы семья закупала в Москве все необходимое для приданого дочерям, готовясь к свадьбам. По-видимому, Москва в целом воспринималась убежденным провинциалом Болотовым как нечто чужеродное: светская роскошь его скорее отталкивала и тяготила. Что касается Петербурга, то в него Болотов и его сын Павел приезжали лишь несколько раз в жизни по делам службы. В 1762 г., получив долгожданную отставку после выхода манифеста «О даровании вольности <...> дворянству», мемуарист практически спасается бегством из Петербурга буквально накануне памятной «революции 1762 года»: «Не стал я уже ни минуты медлить в Петербурге; но, уклавшись, велел скорей запрягать лошадей и <...> поскакал неоглядкою из сего столичного города, оставив его и все в нем в наисмутнейшем состоянии и будучи неведомо как рад, что уплелся из него целым и невредимым» [Болотов А. 1: 963]. В своем воображаемом обращении к покидаемому столичному городу мемуарист признавался: «Я, находясь в тебе, имел случай видеть большой свет, видеть двор и все происходящее в нем, насмотреться жизни знатных и больших бояр, и насмотреться до того, чтоб получить к ней и ко всему виденному омерзение совершенное <...> сие, может быть, и надобно было еще к тому, чтоб я не мог впредь и ею никогда прельщаться и тем спокойнее и счастливее жить в деревне, куда теперь ведет меня судьба моя! <...> Тогда, взглянув в последний раз на Петербург и, сказав: «Прости, любезный град! Велит ли Бог мне когда опять тебя видеть», сел в свою кибитку и, поскакав, старался и в самый еще тот же день *отъехать* *колько можно далее...*» (курсив мой. — О. К.) [Болотов А. 1: 965].

Многие страницы Записок Болотов посвящает описанию собственных малых и дальних путешествий по России. Подобные путешествия запоминались надолго и составляли весьма обширную часть жизненного опыта и мироощущения русских дворян. Но отважиться на дальнейшее путешествие в то время мог не каждый человек, так как любые поездки в XVIII в. были сопряжены с огромными трудностями, неожиданными приключениями, и даже опасностями. Во-первых, как мы уже отметили, поездки эти были весьма продолжительны. Так, например, путешествие из Дворяниново в кашинскую деревню сестры к племянницам Болотова заняло не менее двух недель. Поездка из Тульской губернии до низовьев Волги (пределы Казани) длилась почти месяц. Мемуарист долгие годы не мог позволить себе навестить родную сестру, жившую в Псковской губернии, из-за длительности этого путешествия. Даже о смерти сестры Болотов узнал спустя долгое время. Во-вторых, трудности пути были связаны с капризами погоды. Сильный снегопад зимой, весенняя распутица, летние проливные дожди были способны в одночасье сделать дороги непроходимыми. Болотов не раз описывал ситуации, когда из-за внезапно поднявшегося снежного бурана невозможно было отыскать знакомую дорогу, находясь всего лишь в нескольких верстах от дома. Вот почему в путешествие предпочитали отправляться летом или ранней осенью по сухим дорогам, либо по первому санному пути. Кроме того, во время дождей или сильного паводка разливались реки, и сильным течением сносило плавучие мосты, которые повсеместно использовались для переправы через малые реки России. В таких случаях для переправы использовали паромы, которые были небезопасны. Если съезд на паром шел с высокого берега реки, нередко случалось, что лошади начинали нестись и опрокидывали повозку в воду. Зимой же, при переправе по льду замерзшей реки, существовала реальная опасность провалиться под тонкий лед вместе с лошадьми и повозками.

Путешествия и поездки, как неотъемлемая часть жизни русского человека, подчинялись сезонным и природным ритмам, а также церковному календарю. Так, Болотов никогда не отправлялся в дальние поездки в мае или июне, это были месяцы, когда он целые дни проводил за работой в своих любимых садах, рощах и цветниках. Не любил он в это время и принимать гостей. Зато после окончания сельскохозяй-

ственных работ, в августе и сентябре, поездки были вполне уместны. Точно так же обычно не отправлялись в далекое путешествие в посты, но предпочитали ездить в мясоед, например, на святках или в период после Крещения до начала Великого Поста. С началом Поста оставаться в гостях было не принято, и к этому времени обычно приурочивали отъезд. В дорогу запасались домашней провизией, зимой ее замораживали и разогревали отдельными порциями на стоянках. Летом везли с собой и живых кур, чтобы всегда иметь возможность сварить в дороге похлебку. В посты (в том числе Великий и Успенский) покупали по дороге рыбу, которая была, как отмечал Болотов, очень дешевой.

Путешествовали в кибитках, повозках, возках, реже одноколках, зимой — в саях, а со второй половины века в широкое употребление стали входить кареты. Болотов свидетельствует, что первые кареты были очень дешевы. Так, первую свою венскую карету он купил у своего друга г. Полонского в 1768 г. всего за 50 руб. Но Болотов предпочитал путешествовать в возке собственной конструкции, в котором ему всегда было тепло и удобно. В дальние путешествия пускались целыми обозами: в одних повозках ехали господа, в других — слуги и повар с провизией и пожитками.

В пути то и дело случались досадные поломки: могла треснуть ось или сломаться колесо, порваться кожаные ремни и т. д. Обычно в каждом селе были особые избы и мастера, которые быстро устраняли поломку, заменяли ось или колесо. В условиях отсутствия карт в незнакомой местности приходилось также нанимать проводников из местных жителей, которые показывали кратчайший или самый удобный путь к нужному населенному пункту.

На дорогах нередко случались несчастия. Лошади могли, испугавшись, вдруг понестись и перевернуть повозку (особенно на крутых спусках), провалиться или сорваться с узкого моста через реку, повиснув на стременах и угрожая опрокинуть кибитку (если мост был узким, лошадей выпрягали и повозку перетаскивали на руках); измученные тяжелым путем лошади нередко начинали хромать и т. д.

Опасность представляли также нередкие падежи скота (конские эпидемии). Путников предупреждали о них на заставах, вследствие чего они должны были съезжать с большой дороги и делать большие круговые объезды по не зараженным мором деревням. В некоторых глухих местах (например, по пути из Москвы в Кашин) орудовали раз-

бойники, а подмосковное село Битца имела недобрую славу места, где шайка мошенников промышляла обманными обменами лошадей (об этом Болотов подробно рассказывает в главе, посвященной поездке к племянникам в Кашин в 1770 г.).

И, тем не менее, несмотря на все неизбежные трудности и опасности, связанные с дальними поездками, длительное путешествие, в случае благоприятного стечения обстоятельств, способно было доставить путникам истинное наслаждение. Одним из таких удачных путешествий, особо памятных для автора Записок, стало путешествие его с родными в 1765 г. в город Цивильск¹ Казанской губернии, к деду жены Болотова Авраму Семеновичу Арцыбашеву. Путь лежал через Москву, Владимир, Муром, а также «славную слободу Вязники и городок Гороховец». Переправившись через Оку возле огромного села Избылец и оставив в стороне Нижний Новгород, путники спустились на Волгу и ехали далее вдоль Волги мимо Висиля-Сурска и Козьмодемьянска до «самого знаменитого города *Чебоксара*», а оттуда повернули вправо и поехали в Цивильск. В этом путешествии Болотов и его спутники провели почти всю зиму, а начали готовиться к нему еще с начала зимы. Дождавшись рождественского мясоеда и отпраздновав Святки дома, отправились в путь на третий день после Крещения. Ехали большой родственной компанией, с женой, тещей, теткой Матреной Васильевной с детьми, на четырех повозках, с поваром, слугами, никуда не торопясь, а потому, как пишет мемуарист, «ехать нам было не только не скучно, но так еще весело, что я и поныне еще не могу позабыть сего путешествия и, возвращаясь мыслями и воображениями в тогдашния времена, нередко и ныне еще утешаюсь приятностями онаго и *напоминанием* того, что нас тогда в особенности веселило» [Болотов А. 2: 96]. Со свойственной Болотову обстоятельностью он перечисляет все «удовольствия», составлявшие это веселое путешествие. Во-первых, все путешественники ехали в теплых, удобных и «покойных» зимних возках. Во-вторых, дороги были большие, многолюдные, гладкие, не изрытые ухабами, а погода была наилучшей — то есть тихой, не слишком холодной и не слишком теплой. В-третьих, путники находили себе всегда «спокойные, теплые и добрые» квартиры на ночлег и «не нуждались ими во всю дорогу» [Болотов А. 2: 96]. На всякой остановке устраивали они

¹ Город в Чувашии в 36 км от Чебоксар.

себе настоящие пиры, со смехом, шутками, играми. Не забывал автор и свои любимые книги, которые в изобилии вез с собой и которые читал как на квартире, так и по дороге, лежа в своем возке. Четвертое удовольствие путешествия было в хорошем пропитании, чему способствовали взятые из дома изрядные запасы домашней провизии. Весьма любопытны колоритные подробности, которые сообщает мемуарист о питании путников в дороге. «Чтоб меньше иметь хлопот с вареньем и приуготовленьем себе ужинов и обедов, — пишет он, — то наварили однажды себе добрых вкусных и хороших щей и наморозили их целую кадочку. А таким же образом запаслись мы многими начиненными, сваренными и замороженными желудками и сливками. Итак, всякий раз по приезде на квартиру нужно только было нарубить из кадочки несколько щей и в горшке или в кастрюле растаять и разогреть, а желудок для того ж положить в хозяйские щи, — как и получали мы уже вкусные и сытные блюда, умалчивая о прочих, как-то: о жареных, ветчине, окрошках, хлебном и лакомствах, чем всем запаслись мы с избытком заблаговременно. Словом, дорога сия была нам тогда так сытна, что я не помню, когда б в иное время я так много и сытно едал, как в тогдашнее» [Болотов А. 2: 96–97].

Пятое удовольствие путешествия в Цивильск состояло в наслаждении красотами природы, которых Болотов был особый ценитель. Первый раз в жизни оказавшись в низовьях Волги, автор был потрясен красотой открывавшихся вокруг зимних пейзажей, великолепием и суровой прелестью высоких, нагорных берегов Волги. Болотовское описание волжских берегов — одна из наиболее ранних пейзажных зарисовок с природы в литературе XVIII в.: «Тут величественные и прямо пышные и великолепные ее нагорные берега, представляя собою всякую минуту новые переменные и друг пред другом красивейшие предметы, увеселяли несказанно весь мой дух и очаровывали собою зрение. Я смотрел и не уставал ежеминутно смотреть на страшные утесы и скалы сих превысоких и крутых берегов ея, дивился и не мог надивиться никогда разнообразности сих громад, составленных из камней и глин разноцветных и увенчанных вверху, а нередко и при подошвах своих деревьями родов различных» [Болотов А. 2: 97].

В болотовских описаниях природы виден и искусный пейзажист, ценитель прекрасного, и одновременно естествоиспытатель, проявляющий интерес и к составу почв, и к сортам произрастающим вокруг

растений, и этнограф, с любопытством знакомящийся с богатыми поволжскими селениями, похожими, по его наблюдению, более на города с множеством церквей и целыми «лесами» из раскрашенных струговых мачт.

Прогостили они у «милых и любезных старичков» в Цивильске более месяца. Разъезжали по окрестностям уезда с визитами к местным помещикам, и везде «принимались с особливою ласкою и благоприятством» [Болотов А. 2: 98]. Так Болотов познакомился с еще одним уголком российской провинции и, как всегда это бывало, тот стал для него обжитым, знакомым и родным.

А. Т. Болотова всегда отличало стремление не только к организации жизненного пространства (дом, усадьба), но и уклада, повседневного распорядка таким образом, чтобы каждая минута была наполнена пользой и делом. Неоднократные вынужденные поездки Болотова в его Шацкую деревню Тамбовской губернии по спорным вопросам межевания были достаточно тягостными для него, отнимали немало времени и сил. Тем не менее и сам образ жизни в этих путешествиях Болотов сумел довести до совершенства, создав определенный уклад «жизни в пути», выработав некий ритуал, который помогал легче переносить тяготы длительной поездки, с пользой коротать томительные часы дорожного ожидания. Свой тогдашний распорядок дня мемуарист описал в дневнике в форме письма к теще от 18 сентября 1772 г. Вставали спутники Болотова — сопровождавшие его слуги и местный проводник — еще до рассвета, часто по сигналу «часового» (то есть от крика живого петуха, которого купили в г. Епифани для питания в дороге), и начинали ехать, когда барин еще спал. С рассветом просыпался мемуарист и, не вставая, брал книгу и читал ее, лежа в коляске. Когда обоз останавливался для кормления лошадей, Болотов одевался и «напивался досыта» чаю со сливками, поданными ему поваром, и курил свою трубку. Комаренок (повар) в это время принимался за таган и варил похлебку из тех самых куриц, которыми путники запаслись в Епифани. Во время приготовления обеда Болотов по всегдашней своей привычке ежедневно записывать все впечатления дня принимался за свою «дорожную канцелярию»: «Чернильницу повешу на рукоятку к коляске, сам сяду, опустя ноги в дверцы, подушки на колени и на них “Китайскую историю” (сочинение Нейгофа “Путешествие в Китай” 1669 г., которое Болотов переводил в дороге. — О. К.) и начинаю тотчас

записывать в журнал свое путешествие и, записав, продолжаю переводить “Китайскую историю”» [Болотов А. 2: 563]. Интересен этот параллелизм болотовских мемуаров с немецкой литературой путешествий XVII в., с которой он близко знакомится именно во время поездки в тамбовскую деревню. Впечатления Болотова от знакомства с провинциальной Россией как бы «укладываются» в традицию популярных «восточных» путешествий западно-европейской литературы. Еще один интересный литературный спутник Болотова — Жиль Блаз из романа Лесажа, историю которого Болотов заставлял читать себе вслух своего слугу и «дорожного товарища» Александра Андреевича. Чтобы развить его понимание и сообразительность, мемуарист заставлял слугу тут же по памяти пересказывать ему прочитанное. Подобные упражнения достигли своей цели, и слуга так полюбил «Жилблаза», что на остановках торопился взяться за книгу, говоря: «Что-то наш Жилблаз делает, пора мне с ним повидаться» [Болотов А. 2: 561]. Когда поспевал обед, путешественник со своим товарищем садились на циновку и наедались досыта, а потом Болотов продолжал что-нибудь писать, а слуга опять читал «Жилблаза» до тех пор, пока запрягут лошадей. В дороге опять продолжалось чтение, разговоры и лакомства «арбузами, орехами и кренделями». Когда уставали сидеть, шли немного и пешком. Вечером, на ночлеге, все повторялось опять: Комаренок варил похлебку, а мемуарист занимался своей дорожной канцелярией, то есть путевыми записками. После ужина, укладываясь на ночь в свою дорожную коляску, Болотов еще полтора часа при свече «разговаривал» с книгой. Таким образом, литературные занятия и упражнения писателя не прекращались ни на один день, и мемуарист со своими спутниками как бы совершал одновременно и реальное странствование по России, и виртуальное путешествие со своими литературными героями, а гурманство, которому они предавались в пути, не мешало его своеобразному «литературному гурманству». Вообще Болотов всегда страстно увлекался литературой путешествий, отдавая предпочтение естественнонаучным текстам, посвященным описаниям отдаленных восточных земель и стран: достоин упоминания тот факт, что будучи в гостях в Цивильске и посещая сестру своей тещи Елизавету Аврамовну Горину, Болотов выпросил у ее мужа для прочтения «Фишерovu историю Сибирскую» и описание Камчатки С. Крашенинникова с тем, чтобы «познакомиться с сими восточными и знаменитыми частями

нашего государства и получить об них понятие», и читал их «с жадностью и любопытством» [Болотов А. 1: 100].

Так безмятежно и приятно протекало вторичное путешествие в Шацк, совершенное мемуаристом в 1772 г. Детально описанный распорядок дня путешественников и характер их занятий свидетельствует о том, что томительное и скучноватое путешествие Болотов сумел превратить в настоящее искусство жизни, оживив и обогатив его интеллектуальными занятиями и упражнениями.

Однако далеко не все болотовские путешествия были столь же удачными и спокойными. Мемуары богаты описаниями и других его поездок, наполненных различного рода неприятностями, опасностями и приключениями. По наблюдениям Болотова, если поездка не задалась с самого начала, то в дальнейшем количество досадных помех только возрастало. Однажды писатель создал целый каталог подобных дорожных неприятностей, которых на его пути случилось ровно сорок. Это было в 1775 г. во время поездки Болотова в Дворяниново на свадьбу Анны Николаевны, молодой вдовы умершего родственника мемуариста Матвея Никитича Болотова, которая захотела вновь выйти замуж и умоляла Болотова приехать к ней на свадьбу и помочь ей. Комичные подробности этого путешествия, с юмором рассказанные Болотовым, в полной мере дают представление о тех трудностях и опасностях, которые подстерегали путешественников в России XVIII в. — даже в том случае, если путь был близким, а дорога хорошо знакома.

Странствия Болотова по России были гораздо реальнее и приземленнее, чем духовные и интеллектуальные странствия героя в «европейский» период его жизни. Это была настоящая, невыдуманная, эмпирическая действительность российской провинциальной жизни XVIII в. Путешествия по России были наполнены знакомством с невиданным разнообразием красивейших ее мест, встречами с огромным множеством самых разных людей: родных, знакомцев, соседей, сослуживцев... Эти путешествия не всегда проходили гладко: они могли доставлять и досаду, огорчения, разочарования, наносить ущерб или представлять опасность для жизни. Однако и в болотовских странствиях по России, как мы попытались показать на конкретных примерах, прослеживалась характерная тенденция мемуариста к «одухотворению» впечатлений частного и общественного бытия. Описания зачастую грубой и несовершенной российской действительности пре-

ломлялись автором через призму его подчеркнута «литературного» восприятия жизни, одухотворялись эмоциональностью и «чувствительным восторгом» путешественника.

5

В мемуарах Болотова встречаются такие описания путешествий, которые смело можно отнести к традиции литературы сентиментальных путешествий. Родоначальником жанра путешествия в России в конце XVIII — начале XIX вв., бесспорно, являлся Н. М. Карамзин с его «Записками русского путешественника» (1791–1792). Примечательно, что пробы пера в жанре литературных путешествий у Болотова происходили параллельно с жанровыми поисками Карамзина и Радищева. Следивший за всеми литературными новинками Болотов, безусловно, не мог пропустить первого издания «Писем русского путешественника» [Карамзин]. В главах «Путешествие в Москву» и «Пребывание в Москве и езда в Кашин» [Болотов А. 3: 395–426], написанных мемуаристом в ноябре — декабре 1807 г. (обработка дневниковых записей, относившихся к 1771 г.), чувствуется заметное влияние традиции литературы путешествий. Однако в Записках нет следов явного подражания Карамзину. Болотов работает на российском материале и потому не изменяет себе в выборе тем и сюжетов. По стилистике писем он ближе скорее к Радищеву, чем Карамзину. Его влечет к себе прежде всего российская действительность и российская история. В главах, посвященных путешествию в Кашин, по-прежнему виден почерк путешественника-этнографа, агронома и естествоиспытателя, с любопытством знакомившегося с неизвестной ему областью российской провинции, но в то же время здесь появляются новые черты, характерные для сентиментального типа путешествия: значительно усилена «чувствительность» автора, который обращается с воображаемыми возвышенными речами к селам и городам, встречающимся на его пути, совершает экскурсии в историю знаменитых мест, находя в современности следы и приметы прошедших эпох, восторгается прекрасными видами и пейзажами. Объективное, описательное начало все время сопровождается лирическими отступлениями, в которых автор дает волю своим чувствам и эмоциям, заставляет читателя сопереживать открывающейся ему красоте: «Широкий и огромной дол и си- неющиеся за ним вдали леса, видимые с высоты холма того, где мы

тогда ехали, преисполнили сердце мое некаким удовольствием, а серебряная многоводная Ока, извинаясь величественно вдоль по оному и катящая вниз струи свои, освещаемая местами вечерним солнцем, восхищала зрение <...>. Никогда, никогда не проезжал я места сии, не утешаясь красотой оных, и никогда не мог налюбоваться ими довольно» [Болотов А. 2: 399]. Введение лирического начала мемуарист обосновывает практическими причинами: «Чтоб не допустить себя мучить скуке при медленной и беспокойной езде грязною дорогою расположился я уже с самого начала <...> возыметь прибежище к любимому моему и толь нужному для человеков искусству увеселяться красотою природы и положением мест, и занимать себя колико можно такими мыслями, которыя могли б не допускать меня чувствовать скуку» [Болотов А. 2: 396]. Если ранее описанные в записках путешествия служили Болотову как бы фоном для его путевых литературных упражнений (а главное его внимание было сосредоточено на приключениях и странствиях литературных героев), то теперь сама дорога — а это была дорога из Тулы через Серпухов в Москву и далее через Дмитров на Кашин — привлекает его внимание, она поэтизируется, вызывает в уме автора множество культурных и исторических ассоциаций, воспоминаний, экскурсов в прошлое и т. д.: «О путь! Путь великий и знаменитый! Сколь многия века существуешь ты уже здесь и сколь многия сотни тысяч людей видел ты едущих и идущих? Сколь безчисленными тяжкими повозками были обременяемы и коликим множеством колес были рассекаемы мягкие хребты твои! <...> Сколько раз видала ты ехавших по себе самых князей и государей, владевших отечеством нашим! Не один раз, может быть, летел по тебе какой-нибудь удельный князь с дружиною своею вслед других товарищей своих, поспешавших на войну, или для обороны отечества от татар, приближавшихся к местам сим <...>. Не один раз, может быть, и самые праотцы и предки собственного моего рода езжали по тебе и сматривали также на все места сии и положения оных. Но взирал ли-то кто из них на вас, милые места¹, с такими ж чувствами и помышлениями, как я теперь?!»

¹ Выражение «милые места», а также «красоты природы», «прелестные предметы», «колера полей», «памятники набожности», «мизерные хижины», «симпатия душ» и др. характеризуют мемуариста как писателя, несомненно испытавшего влияние «нового слога» Карамзина.

[Болотов А. 2: 397–399]. Подобные лирические отступления (например, обращенные к Оке) сопровождают всю историю путешествия в Кашин. Тема татарского ига занимает преимущественно воображение мемуариста. Земля, по которой он совершал путешествие, в древности служила пограничной зоной между враждебной степью и Московским княжеством, а река Ока — естественным препятствием для нашествия татаро-монгол. Писатель ищет и находит вокруг себя различные следы многовековой героической обороны местных жителей от набегов кочевников: остатки древних окопов и валов, некогда ограждавших селения, высокие сторожевые курганы, холмы, насыпанные над могилами военачальников и др. В самих названиях сел — таких, как Городня, по его мнению, была запечатлена история героической обороны жителей от набегов завоевателей. Проезжая село Липецы и любясь прекрасным садом, усадебным парком и знаменитым каменным храмом, принадлежавшими еще тогда к имени графов Головкиных, писатель отмечает, что рядом с этим местом прошло детство того из «первосвященников наших, который так славился уже и тогда отменным красноречием своим и, нося на себе имя славнейшаго из древних мудрецов, делал собою красу всему духовенству нашему», то есть митрополита Платона Левшина. Современность постоянно вторгается в размышления мемуариста. В годы правления Екатерины II был дан значительный импульс не только расцвету усадебной культуры, но и росту и преобразению провинциальных городов, развитию местной промышленности. Малые города России заново отстраивались и украшались. Болотов с удовлетворением отмечает изменения к лучшему, свидетелем которых он являлся: строительство прочного плавучего моста через Оку по повелению Екатерины II, рост крупных сел, на его глазах превращавшихся в благоустроенные города с большим количеством каменных домов, развитие местных промыслов и торговли и т. д. Так, приближаясь к Серпухову и любясь видом Высоцкого монастыря, а затем и самого города, расположенного в виде красивого амфитеатра, изгибающегося по неровному косогору, мемуарист оценивает перемены, произошедшие в городе за последние годы (по-видимому, за 1771–1807 гг.): «Ежели сравнить тогдашние его кривые, дурные, грязные и крайне беспокойные улицы с нынешними широкими, ровными и прямыми и тогдашние на большую часть мизерные хижины обитателей с нынешними, уже гораздо лучшими и порядочнейшими, то можно

сказать, что ныне не походит он сам на себя, а особенно верхнюю и проезжую часть онаго...» [Болотов А. 2: 403]. (Чуть ниже он пишет то же самое о Подольске и свидетельствует, что никому еще в те давние годы не приходило в голову, что в течение непродолжительного времени знаменитое село Пахры, переименованное затем в Подольск, приобретет вид настоящего города). С особым удовольствием Болотов описывает парусиновые фабрики, которыми славился Серпухов, замечая, что большая часть продукции их отправлялась в иностранные государства, во все части света, вплоть до Америки. С удовлетворением он отмечает, что фабрики эти доставляли пропитание многим городским и уездным жителям. От современности мемуарист вновь переносится в прошлое. Любуясь древней каменной крепостью Серпухова и восторгаясь искусством предков в строительстве оборонительных сооружений, автор вновь обращается к древности и демонстрирует немалые познания в истории города. Он упоминает важнейшие этапы в его развитии: первые известия о нем в древних летописях, расцвет города при князе Владимире Андреевиче Донском по прозвищу Храбрый, чьей столицей и местопребыванием был Серпухов, строительство каменных башен крепости во времена Иоанна Грозного. Затем мемуарист переносится во времена Бориса Годунова, когда встревоженный ложными слухами о нашествии татар, тот собрал 200-тысячное войско на полях под Серпуховым и принимал там с великолепием татарских послов и угощал несколько дней свое войско пиршествами... С таким же знанием дела Болотов описывает историю г. Дмитрова, а также Углича, где ему довелось побывать позднее. Примечательно, что книжные познания мемуариста в области истории российских городов явно более обширны и детальны, чем непосредственные впечатления от того, что ему удалось увидеть. Реальное путешествие (а точнее, деловая поездка) героя становится лишь толчком, отправной точкой для сообщения им различных исторических сведений, которые по сути и становятся источником его вдохновения и создания воображаемых исторических картин.

В своем обстоятельном описании городов и крупных сел, которые ему приходилось проезжать во время путешествия в Кашин, писатель, конечно, никак не мог миновать Москву, древнюю столицу Российского государства, где он, по обыкновению, провел несколько дней для посещения торговых рядов и покупки всего необходимо-

го в дорогу. При въезде в Москву ясным утром мемуарист любуется величественной и торжественной панорамой города, сиявшего золотом бесчисленных куполов, башен и церковных глав: «Признаюсь, что вид великаго города сего с сей стороны мне в особливости всегда приятен и едва ли самый лучший. Душа, при воззрении на таковое обширное обиталище бесчисленного множества смертных, чувствует нечто особенное, и в каком бы расположении до того ни была, но вдруг поражается им сильно и охотно вдается в размышления различныя» [Болотов А. 2: 409]. Однако лирический восторг автора вызывает не столько сама Москва, сколько дорога от нее, которая близ села Розстани расходилась в разные стороны: одна на Каширу, другая на Серпухов. Место это, по мнению мемуариста, служило местом прощания и расставания многих «чувствительных и любящих друг друга душ». Собственно Москве, а точнее, Кремлю, мемуарист посвящает буквально несколько самых общих, расплывчатых фраз. Читателя сопровождает впечатление, что изображение Москвы у Болотова лишено той исторической конкретики, богатства подробностей и деталей, которыми отличались описания Серпухова, Дмитрова и Углича, да и приметы современности (план постройки царского дворца в Кремле, который так и не осуществился) упомянуты лишь вскользь. Отмеченная особенность подтверждает наши ранее сделанные наблюдения о том, что Болотов был прежде всего бытописателем провинции: ему ближе и интереснее малые города России, нежели столицы с их богатейшей историей и современностью.

Таким образом, главы болотовских записок, в которых мемуаристом было подробно прослежено его путешествие из Дворяниново в Кашин, явились одним из ранних памятников русской литературы путешествий начала XIX в. Яркими чертами этого литературного путешествия стало сочетание конкретных и точных деталей в описаниях российских сел и малых городов (как исторических сведений о них, так и примет современности) с обширными лирическими отступлениями, в которых автор давал простор своим чувствам, мыслям, воображению. Эта преувеличенная «чувствительность» и восторженность автора-путешественника — характерная литературная примета времени. Однако, если, например, в «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790) Радищева чувствительность автора была порождена картиной «страданий человеческих», имела источником социальное

несовершенство окружавшего мира, то эмоциональность болотовских путевых описаний питалась, главным образом, осознанием значительности героического прошлого России, запечатленного в облике ее малых городов, а также эстетическим любованием «красотами природы».

6

Мемуары Болотова с точки зрения литературной — явление неоднородное, включающее в себя фрагменты, тяготеющие к самым разным жанрам литературы. Многообразные явления и события всякого человеческого существования, где высокое и значительное соседствует с ничтожным и смешным, а горе смешивается с радостью, запечатленные в литературном дневнике, а затем и в мемуарах, становятся фактом литературы и требуют разнообразных по форме и стилю способов выражения. Мы рассмотрели главы, посвященные путешествию в Кашин, — наиболее, на наш взгляд, «книжный» фрагмент в Записках, который был своеобразной пробой пера автора в жанре сентиментального путешествия. В этих и подобных ему эпизодах автор позиционирует себя как чувствительного и восторженного созерцателя красоты «природы» и одновременно — зрителя наиболее драматических событий прошедших эпох, проносящихся перед мысленным взором мемуариста-историка. Однако к этим, по нашему мнению, достаточно подражательным и вторичным по стилю повествовательным новеллам не сводится все многообразие болотовских Записок. Гораздо оригинальнее и самобытнее выглядят те главы, где автор выступает в роли талантливого бытописателя, наблюдателя непосредственной жизни и человеческих нравов, создателем ярких и живых портретов и зарисовок быта. Таких описаний было много в первом томе Записок, посвященных военной службе в Кенингсберге. Однако и путешествия по России, во время которых Болотов встречался и знакомился со множеством новых лиц: российскими помещиками средней руки, дворянами — жителями провинциальных городов, уездными чиновниками, конторскими служащими и т. д. — служили бесценным жизненным материалом для его литературных зарисовок, предвосхищавших будущие открытия натуральной школы, гоголевскую реалистическую манеру изображения действительности. Так, например, ярко и выпукло обрисован Болотовым его многолетний противник по межевым спорам, тамбовский помещик богатый Пашков, который обманом решил

себе присвоить все государственные, «ничейные» степные земли, а с другой стороны, создается портрет мягкого и интеллигентного князя Сергея Гагарина, непосредственного начальника и покровителя Болотова по Киясовской и Богородицкой волости. Совершенно иным предстает в мемуарах новый начальник Болотова, высокомерный и гордый молодой князь С. С. Гагарин, своим жестоким нравом доставивший мемуаристу немало огорчений и бед. Болотовские портреты соседей его по Тамбовской губернии в главе «Степные происшествия» (история его второго путешествия в Тамбовскую деревню 1768 г.) полны наблюдательности и юмора. В описаниях визитов к соседям мемуарист, как правило, обращает внимание на состояние и внешний вид их усадьбы и села, размеры и убранство господского дома, состав семейства помещика и, что немаловажно для него, на качество трапезы, которой угощали гостя — все эти говорящие детали (почти как в «Мертвых душах») для мемуариста служат созданию характерного психологического портрета его очередного знакомого. Вот комическое, почти бурлескное описание визита к ближнему соседу г-ну Тараковскому, изложенное в форме письма к «любезному другу»: «Скажу вам, любезный друг, что я весь сегодняшней день принужден был просидеть под караулом и терпеть крайнюю скуку <...>. Причиной тому было то, что хозяин того дома, где я сегодня обедал, впал в некоторый род энтузиастического иступления, или некоторый род болезни, которой, по примечаниям моим, здешние дворяне в особенности и часто подвержены бывают» [Болотов А. 2: 190]. Причина этого неожиданного «сиденья под караулом» состояла в том, что хозяин перебрал лишнего и ни под каким видом не хотел отпустить от себя гостя, причем поминутно по-ноздrevски душил его в своих объятьях и лез с ним целоваться, «колол, давил и мучил» его. Писатель подробно, с тонким юмором описывает кушанья, которыми его угощали: нарезанная ломтиками редька с конопляным маслом, вяленые подлещики с оголившимися ребрами, тертый горох почти черного цвета, вареная репа и проч. Для забавы хозяином были призваны деревенские бабы, девки и мужики, которые оглушили гостя своим криком, свистом и плясками. Дети Тартаковского отличались крайней невоспитанностью, развязностью и надоедливостью, любимый младший сын Ванюшка весь день кривлялся, кричал, валялся и кувыркался на кровати. Так весь вечер мемуарист, употребив всю свою «философическую терпеливость», вынужден был выносить это «смеш-

ное и скучное позорище», размышляя о людских слабостях и пороках, которые лишали их человеческого облика. В другой раз, до 5 часов вечера проездив по полям, помогая разобраться с межеванием одному из своих соседей, некоему помещику Ивану Федоровичу, и сильно проголодавшись, мемуарист заехал к нему в гости пообедать и больше часа дожидался, когда ему принесут хоть что-то съестное. В скоромный день автор был принужден довольствоваться яичным и молочным «монашеским обедом», дивясь про себя жадности этого степного Плюшкина: «Вот какие старые хрычи и скряги важивались у нас тогда в соседстве. Со всем тем не думайте, чтоб он был бедный человек. Ах, нет! Дом у него был изрядный и достаток хоть бы куда...» [Болотов А.: 2, 249].

Российская действительность рождала самые оригинальные и причудливые типы помещиков, своеобразие характеров которых раскрывалось во всей полноте именно в условиях усадебного быта. В одной из поездок в Тамбов Болотов заехал к дальнему родственнику Михаилу Петровичу Бабину [Болотов А. 2: 206–208] — богатому помещику, отличному хозяину, в усадьбе которого было изобилие хлеба, скота, множество крестьян. К тому же он выстроил у себя в имении прекрасную церковь, богато украсив ее. Все увиденное в усадьбе родственника приятно поразило мемуариста: «Я хвалил все, что видел, и хвалил чистосердечно. А более всего нравилось мне то, что везде, как в доме, так и в церкви, я видел все домашнее и свидетельствующее, что хозяин был великий охотник до художеств» [Болотов А. 2: 207]. Но одно необычное увлечение хозяина чрезвычайно удивило автора. Выбрав семь своих наилучших людей, он одел их в гусарское платье и стал обучать военному делу: гусары стояли у него на часах, ездили в конвое, обучались стрелять и экзерцироваться, имели фрунт перед его окнами, приходили к нему рапортовать, а на колокольне специально обученные люди каждый день играли на трубах, вместо курантов. Все эти военные забавы степного помещика стоили ему немалых расходов.

Примеров таких многообразных жизненных историй, портретов, лиц, впечатлений, вынесенных из дальних и близких путешествий Болотова по России, можно было бы привести много. Из этих эпизодов складывалась причудливая и пестрая мозаика российской провинциальной жизни второй половины XVIII в. Болотов, прилежный наблюдатель и многолетний педантичный хроникер этой жизни, в лучших

своих зарисовках с натуры достигает уровня «высокой» литературы. На наших глазах дневниковые записи, документальные рассказы о реально существовавших людях становятся фактами литературы, а полнокровные образы помещиков начинают жить своей самостоятельной жизнью. Оставалось сделать лишь последний шаг, — и он был сделан позднее Гоголем, — чтобы превратить эти образы в общенациональные типы.

7

За свою долгую жизнь Болотову приходилось множество раз отправляться в дальние и близкие путешествия. Одни поездки он совершал по долгу службы, другие — для собственного удовольствия и приобретения новых впечатлений, для свиданий с родными. Сравнивая значение западных и российских путешествий в жизни и судьбе мемуариста, заметим, что знакомство с бытом и культурой Западной Европы сыграло огромную, неоценимую роль в формировании духовного мира путешественника, в истории становления его личности. Пребывание на Западе дало толчок прежде всего духовным странствиям героя. Выражаясь словами из письма Тредиаковского в Академию Наук, в намерения молодого Болотова тогда не входило лишь «насыщать новинами юностную куриозность», но результатом его путешествия в Европу стал интенсивный интеллектуальный поиск: выбор подлинных ценностей, обретение нравственных принципов и собственной практической философии, которые открыли ему неведомый мир духовных и умственных наслаждений.

Путешествия по России дали мемуаристу бесценный опыт знакомства с реальной жизнью российской провинции во всем пестром ее многообразии. Жизненные события, первоначально зафиксированные в болотовских дневниках, позднее подверглись литературной обработке, превращаясь в Записки, в которых документальное начало тесно переплеталось с художественным восприятием жизни. Источниками этой художественности в Записках являлись эмоционально окрашенные лирические монологи героя, его исторические изыскания, а также полные тонкого психологизма и юмора зарисовки человеческих характеров. Болотов-мемуарист владел целой палитрой разнообразных художественных средств, и в этом, может быть, и состоял один из секретов необыкновенной притягательности и оригинальности его ли-

тературной манеры: реальные жизненные факты и впечатления, запечатлеваясь в слове, на глазах превращались у него в факты литературы.

Важность как западных, так и российских «путешествий» в Записках Болотова в большой мере характеризует и уникальность самого мемуариста как типа личности. В его характере и душе, жизненных привычках и пристрастиях не ощущалось конфликта «чужого» и «своего», западного и русского. Фигура Болотова — это уникальная по своей цельности личность, в которой гармонически слились западная закваска — немецкий философский идеализм XVII–XVIII вв., глубокий интерес к передовым достижениям западной науки и техники, с одной стороны, — и русское почвенничество, любовь к своей земле, родовому имению, семье, предкам и потомкам, с другой; протестантская этика (культ труда, порядка, бытовой устроенности, практичности и деловой предприимчивости) — и православная вера в Божественный промысел, набожность, приверженность к русским церковным традициям и обрядам, обычаям родной старины. Пожалуй, это уникальное гармоническое сочетание, эта цельность были возможны только для человека XVIII в. — уже начало XIX в. принесло в русское культурное сознание непримиримый конфликт «своего» и «чужого» и длительный — не на одно столетие — спор славянофильства и западничества.

Список литературы

Источники

Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Т. 1–3. М.: Ин-т русской цивилизации, 2013. Т. 1. 1108 с. Т. 2. 1169 с. Т. 3. 1265 с.

Болотов М. П. Андрей Тимофеевич Болотов: жизнь его с 1796 по 1833 гг. // Русская старина. Т. 8. 1873. Ноябрь. С. 738–753.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Т. 1–5. М.: [Б. и.], 1797–1801.

Продолжение «Записок» А. Т. Болотова // Русская старина. 1889. Июнь. С. 535–576; 1895. Август. С. 135–155; 1895. Октябрь. С. 23–30.

Исследования

Боровая А. А. Философско-антропологические доминанты в философии русского просветителя А. Т. Болотова: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2008. 17 с.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 525–606.

Пантелеев И. В. Соотношение промысла Божьего и свободной воли человека в «Записках» А. Т. Болотова // Святитель Тихон Задонский на перекрестке традиций (Афон-Валаам-Задонск-Оптина Пустынь-Соловки). Материалы XIV Международного форума. Липецк: Липец. гос. пед. ун-т им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. С. 14–16.

Пенькова Е. А. Болотов А. Т. о смысле жизни человека // Культура. Духовность. Общество. 2013. № 7. С. 98–102.

Щеблыгина И. В. А. Т. Болотов: гармония мира и души. Ценностные ориентации и творческие интересы. М.: Андреевский флаг, 2003. 285 с.

References

Borovaia, A. A. *Filosofsko-antropologicheskie dominanty v filosofii russkogo prosvetitelia A. T. Bolotova* [Philosophical and Anthropological Dominants in the Philosophy of the Russian Educator A. T. Bolotov: PhD Thesis, Summary]. St. Petersburg, 2008. 17 p. (In Russ.)

Lotman, Iu. M., Uspenskii, B. A. “‘Pis'ma russkogo puteshhestvennika' Karamzina i ikh mesto v razvitii russkoi kul'tury” [“Russian Traveler's Letters by Karamzin and their Place in the Development of Russian Culture”]. Karamzin, N. M. *Pis'ma russkogo puteshhestvennika* [Letters of a Russian Traveler]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 525–606. (In Russ.)

Panteleev, I. V. “Sootnoshenie promysla Bozh'ego i svobodnoi voli cheloveka v ‘Zapiskakh’ A. T. Bolotova” [“The Correlation of God's Providence and Man's Free Will in A. T. Bolotov's ‘Notes’”]. *Sviatitel' Tikhon Zadonskii na perekrestke traditsii (Afon–Valaam–Zadonsk–Optina Pustyn'–Solvki). Materialy XIV Mezhdunarodnogo foruma* [St. Tikhon of Zadonsk at the Crossroads of Traditions (Athos–Valaam–Zadonsk–Optina Pustyn'–Solvki). Proceedings of the 14th International Forum]. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical University Publ., 2019, pp. 14–16. (In Russ.)

Pen'kova, E. A., Bolotov, A. T. “O smysle zhizni cheloveka” [“On the Meaning of Human Life”]. *Kul'tura. Dukhovnost'. Obshchestvo*, no. 7, 2013, pp. 98–102. (In Russ.)

Shcheblygina, I. V. A. T. Bolotov: *garmoniia mira i dushi. Tsennostnye orientatsii i tvorcheskie interesy* [Bolotov: Harmony of the World and the Soul. Value Orientations and Creative Interests]. Moscow, Andreevskii flag Publ., 2003. 285 p. (In Russ.)